

Путевка в Калифорнию

Мира Мач

Путевка в Калифорнию

«Автор»

2026

Мач М.

Путевка в Калифорнию / М. Мач — «Автор», 2026

1994 год. Поселок на севере острова. Двенадцатилетняя Мирка бежит домой с бутылкой подсолнечного масла и целым талоном из талонной книжки за текущий месяц. Она бежит домой, торопится, чтобы скорее обрадовать маму. Она еще не знает, что это лето станет последним дням для нее, где мир был целым. Меняется страна, меняется семья. Мама, вчерашняя советская учительница, устраивается переводчиком в иностранную компанию. Она уезжает на вахту и возвращается уже другим человеком: с американскими подарками, блеском в глазах и обещаниями новой жизни в Калифорнии. «Путевка в Калифорнию» — это не детектив и не расследование. Это повесть о том, как одна весна разделила жизнь на «до» и «после». И о том, как пустота может быть тяжелее любого ответа.

© Мач М., 2026

© Автор, 2026

Мира Мач

Путевка в Калифорнию

ПОВЕСТЬ «Путевка в Калифорнию»

(основано на событиях, произошедших тридцать лет назад)

Краткое содержание:

1994 год. Поселок на севере острова. Двенадцатилетняя Мирка бежит домой с бутылкой подсолнечного масла и целым талоном из талонной книжки за текущий месяц. Она бежит домой, торопится, чтобы скорее обрадовать маму. Она еще не знает, что это лето станет последним дням для нее, где мир был целым. Меняется страна, меняется семья. Мама, вчерашняя советская учительница, устраивается переводчиком в иностранную компанию. Она уезжает на вахту и возвращается уже другим человеком: с американскими подарками, блеском в глазах и обещаниями новой жизни в Калифорнии.

Оглавление:

Глава 1. Последний день детства

Глава 2. Время больших перемен

Глава 3. Переезд

Глава 4. Мамин секрет

Глава 5. Последний поезд

Глава 6. Конечная

Эпилог.

Глава 1. Последний день детства

Солнце стояло высоко, и пустырь за магазином, поросший новенькой, только пробившейся травой, уже нагрелся так, что земля дышала теплом снизу. Были первые дни июня в поселке на севере острова, там, где весна приходит с опозданием, а лето – короткое, как детство.

Девочка бежала, не чуя ног. Дорога через пустырь была ей знакома до каждой кочки, до каждой выгоревшей прошлогодней травинки, но сейчас она не смотрела под ноги. Она бежала по узкой протопанной тропинке, и только сердце колотилось где-то у горла, полное такой огромной, почти невыносимой радости, что трудно было дышать. Синие гольфы спустились чуть ниже колена и собирали на себя пыль, которая поднималась из-под босоножек с обрезанной пяткой. Девочке было двенадцать лет. Учебный год кончился неделю назад, а впереди было целое лето – длинное, бесконечное, обещающее всё, что только можно обещать в двенадцать лет.

Мама сделала ей стрижку каре вчера вечером, как делала всегда перед летом. Портновские ножницы с зелёным облезлым эмалевым покрытием на кольцах щёлкали над ухом сухо и деловито. Волосы ещё не привыкли лежать ровно и торчали в разные стороны. Застиранный футболка плохо держала форму воротника, зато юбка-солнце, сшитая мамой из ткани с нарисованными ромашками, струилась при каждом шаге, и всё, что было внизу – колени, гольфы, пыльные босоножки – терялось в этом ромашковом облаке.

Правая рука девочки взлетала в такт бегу, и в ней, натянувшись тугой сеткой, болталась авоська фиолетового цвета. Та самая авоська, которой можно было покрасить яйца на Пасху и принести картошку с подвала. Сейчас в ней покойно лежала бутылка из толстого зелёноватого стекла, на этикетке которой нарисован крупный, ярко-жёлтый подсолнух в полном цвету. Внутри бутылки мерно перекачивалось растительное масло.

На левой ладони, влажной от волнения, лежала тонкая книжечка-талонница. На обложке, бледно-типографскими буквами, было оттиснуто: «Талонная книжка», и маминым аккуратным учительским почерком, с нажимом было написано: «1994 год, Смирнова Марина Влади-

мировна, ул. Красноармейская, 34-19». Каждая буква выведена старательно, с завитушками на заглавных. На следующих листах были напечатаны ровные таблицы: сверху указан товар, снизу таблица из месяцев года, один за другим в обратном порядке. Эти прямоугольнички с указанием месяца продавщицы вырезают ножницами каждый месяц в обмен на проданный товар. Один месяц – один талон. Если талон вырезан, значит товар уже продан и купить такой же теперь можно будет только в следующем месяце. Сейчас в этой книжечке талон на растительное масло за июнь был цел. Было и масло в авоське, и талон. Девочка бежала домой и думала только об одном: «Мама будет счастлива!»

Только что, каких-нибудь пять минут назад, девочка стояла в магазине. Это был типовой продуктовый магазин - здание из силикатного кирпича, некрашеного, серого, с узкими окнами под потолком. Внутри пахло селёдкой, мылом, сыростью и крафтовой бумагой. Пол был бетонно-мозаичный. У дальних стен громоздились пустые поддоны, алюминиевые фляги и металлические проволочные ящики с пустой тарой из-под молочной продукции. Девочка любила этот момент волшебства, когда сдаёшь полную авоську пустых вымытых ёршиком молочных бутылок и получаешь полные. Как будто бесплатно, но на самом деле тара эта стоила каких-то денег и за нее можно было получить молочную продукцию.

Вдоль длинной стены тянулись отделы: бакалея, молочка, хлеб. Каждый отдел был отдельным прилавком, за которым стояла своя продавщица. Касса в магазине была одна. Это была стеклянная будка с маленьким окошком, за которым сидела кассирша в чёрном халате, а перед ней лежали кассовый аппарат и деревянные счеты, чтобы не ошибиться в сдаче. Покупатель подходил к кассе только после того, как продавщица выписывала ему бумажку, на которой от руки было написано, сколько нужно заплатить. С этой бумажкой шли к кассе, отдавали деньги, получали чек, а потом возвращались с чеком к продавщице. И только тогда она отдавала покупку, заворачивая её в плотную крафтовую шершавую бумагу, а чек, водружала на заостренный штыр на подставке.

Девочка стояла в очереди к нужному отделу, где за прилавком высилась продавщица. Волосы её были уложены в пышный, густой начёс, взбитый от макушки до самой чёлки. Тот самый начёс, который требовал времени и терпения. Волосы лежали плотным облаком, и из-под этого облака выглядывали усталые, но цепкие глаза с синими тенями, положенными почти до бровей. Тяжёлые очки в тёмной роговой оправе сползли на самый кончик носа, и женщина смотрела поверх них. Когда очередь дошла до девочки, продавщица спросила:

- Тебе чего?
- Бутылку растительного масла.

Продавщица написала на куске писчей бумаги желтоватого оттенка цифры, немного наклонившись, не глядя достала из недр прилавка стеклянную бутылку масла и перевела взгляд на следующего покупателя. Ритуал был знаком. Девочка молча взяла бумажку, пошла к кассе и вернулась с чеком к прилавку в начало очереди. Продавщица взяла чек, затем – талонную книжку. Отлинула до нужной страницы с растительным маслом. Взяла со стола ножницы, раскрыла их, навела на прямоугольник «июнь».

И в этот момент из подсобки донёсся голос – громкий, раздражённый:

- Таня! Грузчики где? Машина с города пришла!
- А я откуда знаю? – ответила Татьяна, не оборачиваясь.
- Мне машину надо отпустить!
- Ну, он бы еще вечером приехал, - буркнула Татьяна себе под нос, отложила на прилавок книжку и ножницы, повернулась к подсобке всем корпусом и крикнула. – Время посмотри, чай обед у мужиков!

В ответ громко хлопнула металлическая дверь, и наступила тишина.

Татьяна постояла секунду, глядя на дверь, потом медленно перевела взгляд на девочку.

- Че ждешь?

И не дожидаясь ответа, протянула:

- Аааа. На! – протянула талонную книжку.

- Следующий! - скомандовала она тем же будничным тоном.

Сердце девочки замерло, потом забило чаще. Она посмотрела на Татьяну, но та уже отвернулась.

И тогда девочка поняла, что надо уходить. Быстро. Она, стараясь не выдать своего волнения и радости, пошла на выход, выскользнула в дверь, и побежала.

Теперь она бежала по пустырю, всё так же сжимая в левой руке книжечку. Пустырь постепенно кончался. Впереди показалась пятиэтажка из шлакоблока. Пустырь с этой стороны переходил в огороды, отделённые от двора с качелями, песочницей и лавочками, невысокими заборами из деревянного штакетника. Жильцы пятиэтажки разбили здесь небольшие огороды. Картошка, морковка, свёкла, лук, огурцы и помидоры в теплицах – всё это выросло здесь, на самовольно занятой земле.

Девочка бежала мимо штакетников и вдруг остановилась. Их теплица была закрыта на щеколду. Она забыла утром ее открыть. Девочка посмотрела на балкон их квартиры с опаской, потом подошла к калитке, отодвинула щеколду и шагнула на участок. Теплица скрипнула, когда она потянула на себя дверную раму, и ей в лицо хлынул нагретый воздух. Пахло землёй и помидорной ботвой. Девочка провела рукой по верхушкам кустов, они были чуть влажными, липкими. Она подперла двери теплицы с обеих сторон тяпками и пошла к калитке. Увидев пустую бочку, вздохнула тяжело, вспоминая, что ей еще надо натаскать с колонки ведром воды для полива. Вода нужна сейчас, чтобы она до вечера отстоялась и прогрелась.

Через двор к своему подъезду девочка уже шла размеренным шагом. Потянув на себя дверь в подъезд, услышала привычный звук растянувшейся пружины и снова подумала: «Мама будет счастлива».

Глава 2. Время больших перемен

- Мирка! Ты совсем сдурела?!

Голос матери разорвал тишину воскресного утра. Мирка замерла на пороге, не успев даже разуться. В руках она держала пятилетнего брата Димку. Японский, вельветовый, костюмчик, который мать выменяла прошлым летом на папоротник, был испачкан с ног до головы. На коленках темнели мокрые пятна, на рукавах - земля, на груди - зелёное от травы пятно.

- Ты хоть представляешь, сколько я собирала этот папоротник, чтобы взять этот костюм?! - мать кричала. - Бестолочь! Я его на папоротник выменяла! На папоротник, понимаешь?!

Мирка понимала. Папоротник, тот самый, который растёт в лесу, собирают, а потом меняют на что-нибудь дефицитное - на джинсы, на кофты, на детскую одежду. Немыслимой красоты вещи из другой планеты. В прошлом году мать весь июнь пропадала в лесу с коробом на спине. Возвращалась уставшая, с красными руками, с чёрными ногтями. Зато дома появился шикарнейший плед-покрывало с цветами, у мамы – джинсы, и новая одежда у Мирки с братом.

- Я на секунду отвернулась, - начала Мирка, но мать уже не слушала.

Отец сидел за столом, пил чай и ел свежепожаренные оладьи с брусничным вареньем, тем самым, что они собирали семьей в прошлом году. Оладьи были пышные, румяные, мать напекла их с утра целую гору. Отец брал один, макал в варенье, отправлял в рот, не торопясь и смотрел в одну точку на стене.

- Ну ты что молчишь?! Ты что сидишь молчишь?! Иди поговори с ней! Ты так и будешь молчать?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.